

Антиох Кантемир - первый русский поэт-классицист - не был русским. Родился он в Молдавии, в 1708 г., незадолго до Прутского похода Петра I. Попытка вытеснить из Молдавии турок оказалась неудачной, и в 1711 г. сторонник российского царя молдавский господарь Дмитрий Кантемир, отец поэта, переселился с семьей в Россию. Перед Антиохом открылся путь одаренного российского юноши петровского времени: он много и жадно учился, сочетая интерес к языкам, литературе, истории, искусствам с тягой к математике и физике, совершенствовал свои знания за границей, трудился на благо государства (двенадцать лет провел на дипломатической службе в Англии и Франции) и находил возможность создавать философские трактаты. «Все, что я пишу, пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданам моим вредно быть может», - утверждал Кантемир.

Судьба редко бывает милостива и справедлива к поэтам. Страстно желавший быть полезным стране, которую считал родиной, Кантемир не увидел опубликованной в России ни одну из своих девяти сатир. Он скончался в Париже в 1744 г., и только через восемнадцать лет его основные поэтические произведения были изданы на русском языке. Кому не угодил Кантемир? Тем, кого безжалостно высмеивал в своих сатирах, - невежественным наглецам, чванливым «элонравным» дворянам.

[След в истории. Антиох Кантемир. Биография \(смотреть\)](#)

Сатира – большое обличительное стихотворение, направленное против того или иного порока, который воплощен в одном или нескольких конкретных образах.

Так, в первой и самой знаменитой сатире «На хулящих учения. К уму своему», созданной в 1729 г. совсем еще юным поэтом, выведены серые и грубые церковники, противники науки и образования. Кантемир не жалеет красок, чтобы пообиднее изобразить своих противников. Один из них, Лука, начинает монолог, «трижды рыгнув», другой горюет, что на печатание книг тратится бумага, которую он мог бы использовать для завивки кудрей. Автор откровенно издевается над лжеслужителями церкви:

Епископом хочешь быть – уберися в рясу,
Сверх той тело с гордостью риза полосата
Пусть прикроет; повесь цепь на шею от злата,
Клубуком покрой главу, брюхо – бородою...

Подозреваю, что, прочитав этот отрывок, ты подумал: «Что это за □ нескладушки-неладушки!» Ты прав, нескладно и непонятно. Потому что «настоящие стихи», к которым ты привык с детства, во

времена Антиоха Кантемира еще не были изобретены в России. И Симеон Полоцкий - первый национальный поэт, и Феофан Прокопович (наставник и старший друг Кантемира) писали силлабические стихи, аккуратно выдерживая одинаковое число слогов в каждой строке. Тогда это и считалось гарантией красоты и звучности поэтической речи. Произведения Кантемира, кажущиеся сегодня вялыми, тяжеловесными, были необычайно популярны, хранились в культурных домах, порождая гнев одних читателей и восторги других.

Язык Кантемира производит на нас, нынешних, впечатление тянущейся резины; особенно мешают чтению длинные, запутанные фразы. Но нельзя забывать, что это язык другой эпохи.

Идеи, которые проповедует Кантемир, можно назвать прописными истинами. Но для тех лет они были открытием, свежей новостью и потому звучали отчаянно смело.

... Тому, кто род с древнего начала
Ведет, зависть, как свинье — узда, не пристала;
Еще б можно извинить, если знатный тужит,
Видя, что счастье во всем слепо тому служит,
Кого сколько темен род, столь нравы развратны.
Ни отечеству добры, ни в людях приятны;
Но когда противное видит в человеке,
Веселиться должен уж, что есть в его веке
Муж таков, кой добрыми род свой возвышает
Делами и полезен всем быть начинает...

Адам дворян не родил, но одно с двух чадо
Его сад копал, другой пас блеюще стадо;
Ное в ковчеге с собой спас все себе равных
Простых земледетелей, нравами лишь славных;
От них мы все сплошь пошли, один поранее
Оставя дудку, соху, другой — попозднее.

В этом отрывке из сатиры [«На зависть и гордость дворян элонравных. Филарет и Евгений»](#) Кантемир отстаивает идею естественного (природного) равенства людей, которая пропагандировалась великими французскими просветителями, в первую очередь Жан Жаком Руссо. Кроме того, вполне в духе петровской эпохи, поэт утверждает, что главное в человеке – личные заслуги, а не древность рода. По словам русского историка и общественного деятеля рубежа XIX – XX вв. Г.В.Плеханова, Кантемир «терпеливо и добросовестно исполнял труд просветителя, вынужденно начинать буквально с азов».

[Особенности творчества Кантемира](#)

Сатира I

На хулящих учение.

К уму своему

[\(краткое содержание и анализ можно посмотреть здесь\)](#)

Уме незрелый, плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки:
Не писав летящи дни века проводи
Можно, и славу достать, хоть творцом не слыти.
Ведут к ней нетрудные в наш век пути многи,
На которых смелые не запнутся ноги;
Всех неприятнее тот, что босы проклали
Деять сестр. Многи на нем силу потеряли,
Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
И в тех трудах всяк тебя как мору чужится,
Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцветенна мраморами саду;

Овцу не прибавит он к отцовскому стаду.

Правда, в нашем молодом монархе надежда
Всходит музам немала; со стыдом невежда
Бежит его. Аполлин славы в нем защиту
Своей не слабу почул, чтыща свою свиту
Видел его самого, и во всем обильно
Тщится множить жителей парнасских он сильно.
Но та беда: многие в царе похваляют
За страх то, что в подданном дерзко осуждают.

«Расколы и ереси науки суть дети;
Больше врет, кому далось больше разумети;
Приходит в безбожие, кто над книгой тает, —
Критон с четками в руках ворчит и вздыхает,
И просит, свята душа, с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно между нами:
Дети наши, что пред тем, тихи и покорны,
Праотческим шли следом к божией проворны
Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
Теперь, к церкви соблазну, библию честь стали;
Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
Мало веры подая священному чину;
Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
Не прибьешь их палкою к соленому мясу;
Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
Мирскую в церковных власть руках лишну чают,
Шепча, что тем, что мирской жизни уж отстали,
Помесья и вотчины весьма не пристали».

Силван другую вину наукам находит.
«Учение, — говорит, — нам голод наводит;
Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем мы живем ныне;
Гораздо в невежестве больше хлеба жали;
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.
Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину,
Ни связи, — должно ль о том тужить дворянину?
Довод, порядок в словах — подлых то есть дело,
Знатным полно подтверждать иль отрицать смело.
С ума сошел, кто души силу и пределы
Испытает; кто в поту томится дни целы,
Чтоб строй мира и вещей выведать премену
Иль причину, — глупо он лепит горох в стену.
Прирастет ли мне с того день к жизни, иль в ящик
Хотя грош? могу ль чрез то узнать, что приказчик,
Что дворецкий крадет в год? как прибавить воду
В мой пруд? как бочек число с винного заводу?
Не умнее, кто глаза, полон беспокойства,
Коптит, печась при огне, чтоб вызнать руд свойства,
Ведь не теперь мы твердим, что буки, что вежи —
Можно знать различие злата, серебра, меди.
Трав, болезней знание — голы все то враки;
Глава ль болит — тому врач ищет в руке знаки;
Всею в нас виновна кровь, буде ему веру

Дать хочешь. Слабеем ли — кровь тихо чрезмеру
Течет; если спешно — жар в теле; ответ смело
Дает, хотя внутрь никто видел живо тело.
А пока в баснях таких время он проводит,
Лучший сок из нашего мешка в его входит.
К чему звезд течение числить, и ни к делу,
Ни кстати за одним ночь пятном не слать целу,
За любопытством одним лишиться покою,
Ища, солнце ль движется, или мы с землею?
В часовнике можно честь на всякий день года
Число месяца и час солнечного восхода.
Землю в четверти делить без Евклида смыслим,
Сколько копеек в рубле — без алгебры счислим».
Силван одно знание слично людям хвалит:
Что учит множить доход и расходы малит;
Трудиться в том, с чего вдруг карман не толстеет,
Гражданству вредным весьма безумством звать смеет.

Румяный, трижды рыгнув, Лука подпеваает:
«Наука содружество людей разрушает;
Люди мы к сообществу божия тварь стали,
Не в нашу пользу одну смысла дар прияли.
Что же пользы иному, когда я заприся
В чулан, для мертвых друзей — живущих лишуся,
Когда все содружество, вся моя ватага
Будет чернило, перо, песок да бумага?
В веселье, в пирах мы жизнь должны провождати:
И так она недолга — на что коротати,
Крушиться над книгою и повреждать очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?
Вино — дар божественный, много в нем провору:
Дружит людей, подает повод к разговору,
Веселит, все тяжкие мысли отымает,
Скудость знает облегчать, слабых ободряет,
Жестоких смягчит сердца, угрюмость отводит,
Любовник легче вином в цель свою доходит.
Когда по небу сохой бразды водить станут,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
Когда будут течь к ключам своим быстры реки
И возвратятся назад минувшие веки,
Когда в пост чернец одну есть станет вязигу, —
Тогда, оставя стакан, примуся за книгу».

Медор тужит, что чресчур бумаги исходит
На письмо, на печать книг, а ему приходит,
Что не в чем уж завертеть завитые кудри;
Не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры;
Пред Егором двух денег Виргилий не стоит;
Рексу — не Цицерону похвала достоин.
Вот часть речей, что на всяк день звенят мне в уши;
Вот для чего я, уме, немее быть клуши
Советую. Когда нет пользы, ободряет
К трудам хвала, — без того сердце унывает.
Сколько ж больше вместо хвал да хулы терпети!
Трудней то, неж пьянице вина не имети,

Нежли не славить попу святую неделю,
Нежли купцу пиво пить не в три пуда хмелю.

Знаю, что можешь, уме, смело мне представить,
Что трудно злонравному добродетель славить,
Что щеголь, скупец, ханжа и таким подобны
Науку должны хулить, — да речи их злобны
Умным людям не устав, плюнуть на них можно;
Изряден, хвален твой суд; так бы то быть должно,
Да в наш век злобных слова умными владеют.
А к тому ж не только тех науки имеют
Недрузей, которых я, краткости радея,
Исчел иль, правду сказать, мог исчезеть смелея.
Полно ль того? Райских врат ключари святые,
И им же Фемис вески вверила золотые,
Мало любят, чуть не все, истинну украсу.
Епископом хочешь быть — уберися в рясу,
Сверх той тело с гордостью риза полосата
Пусть прикроет; повесь цепь на шею от золота,
Клобуком покрой главу, брюхо — бороною,
Клюку пышно повели — везти пред тобою;
В карете раздувшись, когда сердце с гневу
Трещит, всех благословлять нудь праву и леву.
Должен архипастырем всяк тя в сих познати
Знаках, благоговейно отцом называти.
Что в науке? что с нее пользы церкви будет?
Иной, пища проповедь, выпись позабудет,
От чего доходам вред; а в них церкви пра́ва
Лучшие основаны, и вся церкви слава.
Хочешь ли судьёю стать — вздень перук с узлами,
Брани того, кто просит с пустыми руками,
Твердо сердце бедных пусть слезы презирает,
Спи на стуле, когда дьяк выписку читает.
Если ж кто вспомнит тебе граждански уставы,
Иль естественный закон, иль народны нравы —
Плюнь ему в рожу, скажи, что врет околёсну,
Налагая на судей ту тягость несносну,
Что подьячим должно лезть на бумажны горы,
А судье довольно знать крепить приговоры.
К нам не дошло время то, в коем председа
Над всем мудрость и венцы одна разделяла,
Будучи способ одна к высшему восходу.

Златой век до нашего не дотянул роду;
Гордость, леность, богатство — мудрость одолело,
Науку невежество местом уж посело,
Под митрой гордится то, в шитом платье ходит,
Судит за красным сукном, смело полки водит.
165Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Изо всех почти домов с ругательством сбита;
Знаться с нею не хотят, бегут ея дружбы,
Как, страдавши на море, корабельной службы.
Все кричат: «Никакой плод не видим с науки,
Ученых хоть голова полна — пусты руки».
Коли кто карты мешать, разных вин вкус знает,

Танцует, на дудочке песни три играет,
Смыслит искусно прибрать в своем платье цветы,
Тому уж и в самые молодые леты
Всякая высша степень — мзда уж невелика,
Семи мудрецов себя достойным мнит лика.
«Нет правды в людях, — кричит безмозглый церковник, —
Еще не епископ я, а знаю часовник,
Псалтырь и послания бегло честь умею,
В Златоусте не запнусь, хоть не разумею».

Воин ропщет, что своим полком не владеет,
Когда уж имя свое подписать умеет.
Писец тужит, за сукном что не сидит красным,
Смысля дело набело списать письмом ясным.
Обидно себе быть, мнит, в незнати старети,
Кому в роде семь бояр случилось имети
И две тысячи дворов за собой считает,
Хотя в прочем ни читать, ни писать не знает.

Таковы слыша слова и примеры видя,
Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя.
Бесстрашно того житье, хоть и тяжело мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится;
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
наук; не ищи, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую.

[Подробнее о Кантемире и его стихотворения](#)

Сатира " О различии страстей человеческих. К Архиепископу Новгородскому" [смотреть текст](#) и [краткое содержание с анализом.](#)

[Антиох Кантемир | Курс: Краткая история русской поэзии | Лектор: Алексей Машевский | Организатор: Проект Нефиктивное образование](#)